

«ИБО И В БЕЗДЕЛИЦАХ ОПАСНО ИДТИ ПРОТИВУ ОБЫЧАЯ ИЛИ ПРИВЫЧКИ...»

ВОЕННЫЕ ПРОЕКТЫ ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

Кирилл Татарников

Собирая материалы о Гатчинских войсках, мне посчастливилось случайно обнаружить в фондах Российского государственного военно-исторического архива несколько дел с проектами цесаревича (несовершенство архивных описей иногда преподносит и приятные сюрпризы). Первые листы одного из них уведомляли, что 26 июля 1830 г. из Кабинета Павла I на хранение в Комиссариатский департамент поступили *«некоторые бумаги»* принадлежавшие покойному императору. Россыпь сопровождал составленный в Кабинете *«подлинный реестр»* (опись), включающий наименования 234 различных документов — выписки и копии с указов, штаты и табели воинских частей, собственноручные письма и записки Павла Петровича etc. Служащие департамента не стали особенно вчитываться в полученные бумаги (тем более, что все они уже имели заголовки), переплели их в несколько дел и сдали в архив. Значительная часть этих материалов — проекты по устройству сухопутной армии, сочиненные во 2-й половине 1770-х гг. К сожалению, от них сохранились лишь отдельные фрагменты, не имеющие ни начала, ни конца и, как правило, не датированные (собственно, россыпь из черновиков). Но даже на основании этого нетрудно составить весьма подробную картину представлений и взглядов наследника. Любопытные сами по себе, эти документы особенно примечательны в контексте реформ императора Павла I. Разбор их составляет тему отдельного исследования, однако некоторые моменты показались нам весьма интересны, и мы решили познакомить с ними читателя. Кроме того, данные проекты можно рассматривать как предысторию Гатчинских войск, ведь они появились не на пустом месте.

ЕЩЕ в 1774 г. цесаревич предлагал разделить полевую армию на четыре части и поместить их на главных стратегических направлениях. Письмо графу П.И. Панину от 10 мая 1778 г. содержало подробное расписание сухопутных войск:

— 1-й корпус *«против шведов и северной части Европы»* включал Финляндскую и Санкт-Петербургскую дивизии, общей силой в 43 батальона пехоты и 25 эскадронов кавалерии;

— 2-й, *«против и за короля прусского, австрийцев и южной части Европы»*, состоял из Эстляндской, Лифляндской, Белорусской и Смоленской дивизий, 66 батальонов и 85 эскадронов;

— 3-й, *«против турок и татар»*, был наиболее многочисленным — 81 батальон и 150 эскадронов Украинской, Новороссийской и Астраханской дивизий;

— 4-й, из Оренбургской и Сибирской дивизий, оборонялся *«против баширцев, киргизцев и прочих кочующих народов»*, он насчитывал 42 батальона и 30 эскадронов;

— 5-й корпус — Казанская, Нижегородская и Московская дивизии, *«остающиеся для внутренней стражи и для резерву в нужные места»*, — по большей части состоял из пехоты, 52 батальона и 10 эскадронов.

«Правило, которому следовал в таковом расположении, — писал великий князь, — есть следующее. Я почитаю, что мы окружены тремя родами народов, которые всякий имеет свой образ войны: европейцы; турки и татары; баширцы, киргизцы и прочие сибирские кочующие народы. А как первое воинское правило употреблять

оружие против оружия, то и думаю необходимым, чтоб каждая из сих частей была составлена из сходственного рода войск с тем образом войны.

Итак, первую составить надлежит часть из совершенно регулярного войска, обученного без пристрастия схожо на соседей.

Вторую почитаю я во всём сходною с первой, с тою только разностию, что первая, будучи против шведов, должна состоять больше из пехоты, по естественному положению земли, и в числе оной необходимо должно иметь дробные части егерей или другой легкой пехоты. Во второй же иметь все те оружии, каковы потребны, как называется, для прямой европейской войны, для чего и надлежит кавалерию той части привести в то состояние, в каковом она вышла из Прусской войны.

*Третью можно оставить составлену из тех самых оружий [и] в той пропорции, из каковых она теперь составлена, ибо тот род кавалерии, за которым мы теперь увязались, — самый наипотребительнейший единственно для сей части.**

Четвертая же часть, будучи в казусе всегда пассивной, а не активной войны, а по пространству своему будучи весьма обширна, должна состоять больше из кавалерии, нежели из пехоты, но не из таковой, из каковой предыдущая составлена, а из того самого рода войск, из каковых положено ей было состоять по рассуждению комиссии 1763-го года, то есть из драгун, как конной пехоты». В другом месте эта мысль разъяснялась подробнее: «...что касается до войск, составляющих Сибирский корпус, то полагаю я драгун или подвозную пехоту наиспособнейшим родом войска для того места, по великому пространству той земли, по ветренности соседей ее и по дешевизне в содержании фуражом».¹*

Сохранились размышления Павла о большинстве видов войск. «Тяжелой кавалерии теперь у нас весьма довольно, а особливо, если возобновить Сибирские и Оренбургские конные полки, что весьма нужно. Но по препорции оной, а особливо по положению земли нашей в рассуждении нерегулярных народов, граничащих с нами с полуденной стороны, не довольно легкой регулярной кавалерии. Скажут мне на то, что против нерегулярного должно иметь такого же. Но на то отвечаю, что регулярный всегда имеет преимущество перед таким, который строю не имеет; положим, хотя не строим своим (что однако же еще совсем не доказано), так по крайней мере [в том], что из регулярного всегда нерегулярного учинить можно, но с тем преимуществом, что... сохранится в нем то послушание и стройство, которое потребно к порядку и исполнению вещей. Напротив же того, из нерегулярного никак учинить нельзя в то самое мгновение ока регулярного и соорудить из них послушный и поворотливый шквэдрон».²

«Люди наши не весьма способны к сей службе. Итак, надобно наградить естественный недостаток искусством и особым старанием, то есть, заведя конные

* Одним из итогов русско-турецкой войны 1768–1774 гг. было увеличение численности легкой кавалерии.

* В 1764 г. Военская комиссия определила 14 полевых и гарнизонных драгунских полков к пограничной службе — на Псковских, Великолуцких и Смоленских форпостах, в Казани, Сибири (по Кузнецкой и Иртышской линиям, дистанции от Оренбургской линии до крепости Святого Петра), Царицыне. Каждый полк включал пять эскадронов и артиллерийскую команду (всего 970 человек); цена строевой лошади равнялась 20 рублям. На северо-западной и польской границах «ездящая пехота» вполне справлялась со своими задачами, но в Сибири положение было иным. Еще в 1740-х гг. оренбургский губернатор И.И. Неплюев убедился, что драгуны не в состоянии противостоять набегам кочевников — «будучи отягощены ружьем и амунициею» они просто не могли их догнать. Наилучшим вариантом здесь оказались казаки. Когда великий князь писал эти строки (1778 г.), в составе русской армии находилось восемь драгунских полков силой в 10 эскадронов каждый.

школы или манежи по городам, имеющим конный гарнизон».³ Действительно, и соотечественники, и иностранцы с редким единодушием отмечали, что «...кавалерия находится в гораздо худшем состоянии, чем пехота... русские в целом, за исключением украинцев, не имеют ни вкуса, ни природной склонности к верховой езде»; положительных отзывов удостаивались разве что гусары.

«Кирасир тяжел по нашим лошадям, а чужих не всегда можно, да и убыточно покупать. Сверх же того известно, что кираса не только не защищает от удара пули или картечи, но напротив того, более вредит (делая даже на излете или вскользь контузии, вдавливая железо, и тем ушибая и увеча), нежели как без нее, ибо рана простая залечивается, ибо она явна и вспоможение скорее подать можно, а вдавление — не явно и к вспоможению не так способно. Сверх сего, кираса изнуряет по пустому человеку, не приводя в пример затруднение в ней быть, что ни сесть ни лечь нельзя, а снимать работа целая, ибо одному [ни] надеть, ни снять нельзя...

*Карабинер — ни кирасир, ни драгун. Он бы был может хорош в том намерении, с которым он делан, но как ветренность всё портит, то и полковники заразились из карабинер делать кирасир и накупили таких лошадей, что по их службе никакая из них не вынесет, и тем самым испортили установление, а чрез то и всю конницу, ибо кроме гусар у нас как будто бы ее и не было...**

Я полагаю драгун на таких лошадях, чтоб и атаку фрунтом, и поспешную погоню, и марши могли делать не только без труда, но и свободно...

Для вышеупомянутых причин полагаю всю кавалерию, исключая гусар и пикинер, в драгунах. Полк каждый составлю из 6 эскадронов, из 136 ря[довых] строевых и 8 нестрое[вых] каждый. 4 эскадрона будут всегда подвижны, а 2 будут оставаться... дома, для внутренней полиции, для гарнизонов и для обучения людей и лошадей. Сверх того, на каждые 2 эскадрона полагаю по пушке, что сделает в полку 3, а к ним по 8 кано[неров], как и в пехоте, но канонеры сии будут конные, что учинит во всё полку 888 рядовых. Да в драгунских полках, на основании как и в пехотных, 100 гранодер полагаю с 2 нестроевыми, а в гусарских и пики[нерных] полках оные 100 чел[овек] будут называться «отборными».⁴

Структуру пехотных полков, по мнению великого князя, требовалось изменить кардинально.* *«Ныне армия состоит из столь различных команд, что без крайнего затруднения и счесть нельзя корпус, который наряжен куда-нибудь. Полки составлены из двух баталионов, сочиненных [каждый] из 6 рот, а рота состоит из 136 рядовых, а полк таковой из 1632 [рядовых]. Теперь покажу расходы всех людей... 60 егерей; 262 чело[века] на непрременных квартирах; 262 чело[века] гранодер, коих за благо*

* По замыслу Воинской комиссии, карабинеры создавались как линейная кавалерия, предназначенная «в способных случаях... разрывать пехотные фронты». Шесть кирасирских и 19 карабинерных пятиэскадронных полков составляли необходимое для полевой армии количество тяжелой конницы (из расчета один полк кавалерии на два полка пехоты). Штаты (942 человека) и вооружение (палаши, карабины, пистолеты) у тех и других были одинаковые, зато конский состав различался существенно: цена строевой кирасирской лошади определялась в 60 рублей, карабинерской — 30. После войны с Турцией 1768–1774 гг. устроенная на западно-европейский манер тяжелая кавалерия подверглась существенной реорганизации. В южных степях, где противником выступала легкая татарская конница, она оказалась малопригодной. С 1775 г. по 1784 г. армия включала пять кирасирских и девять карабинерных полков шестиэскадронного состава. В итоге преобразований Потемкина (замена «немецкой» седловки на «венгерскую», упразднение каскетов и кирас) считать их тяжелой кавалерией можно весьма условно.

* По штатам 1762 г. мушкетерский полк состоял из двух батальонов, в каждом пять мушкетерских и одна гренадерская рота. Гренадерские полки имели сходное устройство. В 1765–1769 гг. во всех полках были выбраны егерские команды (60 егерей, обер-офицер, два унтер-офицера, два капрала и барабанщик).

рассуждают отымать от полков; караулы к генералам — не для чина, но по большей части для прихотей и к их обозам, на что смело положить можно 150 чело[век]; Комиссариат возьмет 100 чело[век], Провиантская [часть] столько же — 100 чело[век]; полковой караул 150; да от прихотей и прикрас полковничьих больных человек с 200, да обыкновенных [больных] с 200; сверх того, на разные расходы, так[ие] как к мостам, к редутам и прочее — человек 150 и больше. Теперь сложим всё сие... — 1634 [человека]. Из сего видно, что хотя расход может и умножен... однакоже положив 400 человек [больных] да 2 грано[дерские] роты в сем расходе несправедливо показанных, останется 924 чело[века] вместо 1632. Итак, будет недоставать 708 чело[век].

Показав полк в сем разоренном состоянии, потребно станет рекрут. Пошлют указ набирать оных. [В пути] треть [рекрут] помрет, четвертая часть разбежится, придет остаток недовольных, огорченных, изнуренных людей, не говоря о злоупотреблениях и мучительствах, кои претерпевают оные от лености, ветрености и пустого хвастовства наборщиков и обучающих.

Мнение мое таково, чтоб полк пехотный был составлен из гранодерского полубаталиона, состоящего из 250 ряд[овых] [и] из 3 баталионов, составленных из 4 рот каждый, а рота — из 138 рядовых строевых и 6 нестроевых. Итак, баталион будет состоять из 552 строе[вых] и 24 нестрое[вых], да из 48 кано[неров], к коим прибавить лишних 10 гра[нодеров] нестрое[вых], да 6 кан[онеров] таких же, а полк потому будет состоять из 2042 рядовых.

Резон, для чего полк таковым составляю:

1. Гранодерский полубаталион сильнее 2 нынешних гранодерских рот, ибо оные, составляя две части и будучи сводимы вместе для той только минуты, в которую действовать надобно, той связи и единомыслия или, лучше сказать, единодействия иметь не могут, как оный полубатальон, предводимый одним командиром, который всегда при нем и не разлучаемый ни в каком случае по частям. На сие скажут мне, что ныне соединены гра[нодерские] роты в баталионы, и так всё равно, 2 ли [рот нет при полку] или инако. На что я скажу, что вольно отбиваться от штатов и предписаний, и почто же роты гра[нодер в таком случае] при полках и полагать. А если захотеть оные отделить, как в нынешнюю войну (Русско-турецкая война 1768–1774 гг. — Авт.) сделано, так первое, что оные составляют чрезвычайно малые корпусы, чтоб сохраняться им безопасно против неприятеля. [Они] лишь только затрудняют службу, умножают число командиров частных (коих и к полкам трудно и без того хороших доставать, а тем больше к сим деташементам), где принуждены будут за недостатком других, молодых и не созревших людей определять, кои тщатся прилежать к безделкам не зная другого, а чрез то мучат лишь людей и портят службу, отступая от предписанного, не взирая и на подтверждения, как [это] видно в нынешнюю войну, к несчастью, довольно часто.

2. 3 баталиона полагаются для того, что два, будучи необходимы в походе, чтоб составить полк, [а] 3[-й] оставляем будет всегда как для гарнизону в том месте где полк стоял, так и для набирания, формирования и привычке к службе и дисциплине молодых солдат, которыми по прошествии кампании... полки наполняемы и комплектованы будут, чтоб против неприятеля никогда необученного человека не случилось. Итак, оные третьи баталионы будут школою войска, а притом и внутреннюю полициею, как против воров, так и против злоумышленников и обиду чинящих». ⁵

«Егерей всех перевести, ибо столь же смешно видеть солдата пожалованного в проворы (или, как сказал Г[ригорий] П[отемкин] — в богатыри), как и в храбрецы,

за рост, как ныне бывает с гранодерами.* Неоспоримо, что нужны стрелки и проворные люди в армиях для исправления того пешиком, что гусары делают на конях, но нет нужды за проворство их иначе одевать и снаряжать, а особливо отделять, ибо всякое и самое малое да отделение имеет особый дух, или, как французы говорят, *esprit de corps*, или же вовсе никакого союзу или связи не имеет, что чаще случается».⁶

Самой резкой критике цесаревич подверг гарнизонные батальоны.* Призванные служить защитой границ, крепостей «и внутренности земли во время выступления армии в поход», быть для полевых войск школой и «магазейном», на деле они превратились в бесполезную обузу. «Видно весьма ясно, что гарнизоны наши таковы, что хотя бы их и не было, ибо составлены как из самых престарелых, так и дряхлых солдат, не способных ни к чему. И так думаю, что их можно вовсе уничтожить, оставя в пристойных местах для дряхлых инвалидные роты».⁷ Для солдат, полностью негодных к службе, следовало завести инвалидные дома. «Во-первых, по человечеству, а во-вторых, и чтоб человек служба за отечество имел надежду жизнь свою спокойно окончить в старости и дряхлости. От того всяк будет охотнее служить, ибо не увидит себя брошенного за увечье и службу, а получит, напротив, вечный хлеб».⁸

Взамен батальонов, Павел хотел устроить гарнизонные полки, штат которых отличался бы от полевого лишь отсутствием артиллерийской команды, так как достаточное число орудий найдется в местах квартирования. «Гарнизоны полагаю я составленные из рекрут, дабы... были [они] школою, а не богадельнею войска».⁹

Артиллерией должен распоряжаться «департамент генерал-фельдцейхмейстера или Артиллерийский. Сей департамент ведает три вещи: первое — крепости и прочие укрепленные места; второе — орудия, снаряды, припасы и инструменты артиллерийские и инженерные; третье — людей, принадлежащих к сей части. Последние два из сих разделений я еще на три части делю, а именно: снаряды и люди должны быть трех сортов: одни — осадные, другие — полевые, третьи — крепостные. Что принадлежит до крепостей и пр[очего], то должно содержать их всегда в хорошем оборонительном состоянии и, не упуская ни минуты, исправлять худости. Что касается до орудий, снарядов, припасов и инструментов артиллерийских и инженерных, то иметь их всегда в нижеследующем состоянии. Должно иметь трех родов орудия, а именно: крепостные, которым быть неподвижным, ибо они назначиваются для единственной обороны крепостей, которых вся сила и, потому, польза состоит в том, чтоб сильным состоянием своим могли останавливать неприятеля от покушений и затруднять его предприятия. Полевые [орудия] должны при всяком... из четырех полагаемых мною корпусов, по числу состоящего в них войска... пропорционально

* Оставим в стороне тему, целесообразно ли было отделять от полков егерские команды и сводить их в самостоятельные части. Чтобы рассуждать по этому вопросу, необходимы знания в тактике. И все же, судя по всему, практика оказалась удачной: в 1777 г. появляются отдельные егерские батальоны, а 1780-е гг. — четырехбатальонные корпуса. А вот относительно одежды и снаряжения можно поспорить. Ведь в отличие от довольно статичных строевых эволюций линейной пехоты, егеря действовали подвижно, часто россыпным строем, применяясь к местности. Вряд ли здесь была бы удобной обычная пехотная униформа.

* В 1764 г. гарнизонные полки были преобразованы в гарнизонные батальоны, «пограничные» (каждый из четырех строевых, одной инвалидной и одной мастерской роты) и «внутренние» (пять строевых и одна инвалидная рота). Строевые роты комплектовались солдатами армейских полков неспособными к полевой службе, инвалидные служили пристанищем для вовсе увечных и престарелых. Мастерские роты, набранные из рекрут, исполняли работы при крепостях. Обязанностью гарнизонных солдат была караульная служба, а в случае необходимости — усмирение крестьян, «искоренение» воров и разбойников. При гарнизонах же содержались школы для солдатских детей, которые выпускали в полки писарей, музыкантов, барабанщиков и флейтчиков, неспособных учеников зачисляли в солдаты.

расположены быть. Иметь... как для полевой, так и для осадной артиллерии главные депо в четырех местах.

Должно полевую артиллерию расположить и по близости квартир некоторого числа полков, например, отделяя ее всегда и ставя вместе у некоторого пропорционального числа полков, дабы дальнего раздробления... не было. Располагая орудии таким образом, не полагаю уже при полках ни одной полковой пушки.

Депо полагаю снабженным всем потребным для артиллерии, даже и запасом или магазином [и необходимым количеством] людей. В нем должно быть литейному двору, арсеналу артиллерийскому снабженному всем нужным... для той части государства и по пропорции войск против лежащего соседа. Осадной артиллерии той части находится там со всеми снарядами, припасами и инструментами артиллерийскими и инженерными. Тут же быть и школе артиллерийской и инженерной, как для дворян, так и для солдатских детей, как для действительной (строевой — Авт.) службы, так и для разных мастерств для сей части военной...

Полевая артиллерия должна быть готова выступить как из депо, так и из частных квартир (о которых выше помянул), чрез двадцать четыре часа по прибытии лошадей, которым должно расположенным быть по земле, как у помещиков, так и у крестьян на содержании, или, лучше сказать, у них в работе заимообразно.

Людей не считать полками или ротами, но партиями, по числу и калибру орудий.* А по числу людей и калибру орудий... располагать и офицеров артиллерийских. Сие тем полезнее будет, что офицер будет всегда с теми ж людьми, и люди, опять, всегда одни [и те же] при нем. Равномерно неразлучны [они] и от орудий, которые, имея разные действия по калибрам и родам, и имея одно пред другим пороки и преимущества, будут твердо знать, как, где и когда с пользою оные употреблять.

При артиллерии каждого из четырех корпусов должно быть одному генералу артиллерийскому, который бы имел главное смотрение за артиллерию и пр[очим] и людьми всех трех родов той части. Под ним должно быть нескольким полковникам... в крепостях — смотря по числу в них находящейся артиллерии... Итак, [им] числа назначить теперь не можно, ибо должно знать, сколько потребно в которой части оных [крепостей] и каким им быть. Что ж касается до тех, которым быть при осадной и полевой артиллериях, то должно в каждой части быть по одному полковнику при каждом роде. А штаб-офицерам [быть] у нескольких партий артиллерийских, как осадных, так и полевых, а в крепостях — смотря по качеству и величине оных...

Крепостным быть... для формирования людей, имея некоторую часть всегда старых людей для учения молодых и новых. Полевым быть уже выученным и вышедшим из гарнизона. Осадным быть старым и заслуженным людям, ибо от них требуется меньше проворства, но больше искусства, даже и знания некоторого.

В полевой артиллерии должно некоторым партиям быть конным, то есть канонерам на лошадях, как для употребления с кавалериею, так и для случаев, где потребна скорость. И быть им по пропорции кавалерии того корпуса и по близости оной...

Артиллерийскому департаменту снабжать армию всем тем, что называется ружье... Ведая сию часть должно, для облегчения, снабжения завести при всяком корпусе в депо арсенал, где было бы... всегда в запасе полкомплета, по малой мере, всякого ружья на ту часть войска, стараясь доводить... оный запас до целого комплекта, наполняя каждый год; сверх того, выбывающее число ружья в полки на место

* С 1763 г. полевая артиллерия состояла из одного бомбардирского, двух канонирских, двух фузилерных полков (по два пятиротных батальона в каждом) и понтонной роты.

*пришедших в негодность новыми, и отправлять [его] в полки в мирное время... перед лагерем, а в военное — по окончании кампании или... по надобности. За сим всем смотреть частно... всякой армии артиллерийскому генералу».*¹⁰

Инженеров, подобно артиллерии, также следовало разделить на три части: «...городовую, полевую и осадную команды, дабы каждая из сих служб достаточно людьми снабдена была и не приходило[сь] занимать одной от другой.* Первой из сих частей должно быть составленной из людей вышедших из школы инженерной с теоретическим (теоретическим — Авт.) знанием и тут оставаться для приобретения первоначальной практики и потом, с сим последним знанием, перейти в полевую, а отсюда, по твердом приобретении теоретического и практического знания, перейти в осадную уже».¹¹

Гвардии посвящался особый раздел. «Гвардию нахожу весьма великую и весьма неспособною к всякому делу, не говоря о прочих ее неудобствах, которые каждый чувствует, но не станет о сем говорить. Вовсе быть без нее нельзя, ибо как достоинство... обычай, так и привычка глаз всех делают ее необходимою, ибо и в безделицах опасно идти противу обычая или привычки, разве [что] нечувствительным образом.

Для всего сего мысль моя о ней такова: оставить название всех полков и мундир оных, но довести пехотные три [полка] нижеследующими образами до того, [чтобы] под всяким не было более батальона, составленного из гранодерской и четырех мушкетерских рот. И так, сим сохранится обычай имен, а доходя мало-помалу до сего, не комплектуя убылые места, так как уже однажды сие и было, никому не будет сие приметно. Она имеет три сорта убыли: смерть, отставка и выписывание вон за наказание или неспособность. Сими натуральными способами чрез пять лет, как уже и было однажды, между 763 и 770 годов, где семь лет расстояния, легко сама собою до того дойдет.

А дабы дух своевольный вывести из нее, рождающийся от праздной и односторонней жизни, то каждый год посылать их в разные места с прочими [полками] на ревью, и сим средством будут они от марта месяца до августа в походе. В сии пять месяцев не до своевольства будет, а остальные... семь пройдут в отдыхании да в сборах.

Конную же [гвардию] можно оставить, как и была, ибо оной не много, с некоторыми только переменами. Офицеров же гвардии производить как и ныне, но наличных, а тех, которые вновь производиться будут, то [их] жаловать армейскими прапорщиками и вести армейскими чинами».¹² Остается только сожалеть, что взойдя на престол, Павел не поступил подобным образом.

В дополнение к национальным войскам, цесаревич хотел завести части, вербованные из иностранцев. Русская армия, справедливо рассуждал Павел, сама по себе велика, но «по обширности земель» недостаточна для эффективной обороны границ и поддержания внутреннего порядка. При этом страна малонаселенная — тех людей что есть, не хватает, чтобы набрать необходимое количество рекрут и содержать должного размера армию. Особенно сильна нехватка людей, а последние войны и сопутствующие им рекрутские наборы еще больше осложнили ситуацию: «...теперь уже и на самое нужное... не только с отягчением, но и с трудом достать можно потребное число».¹³

Впрочем, положение не безнадежно. «Мы видели... что армия людьми и набором оных в тягость земле, а недостаточна к обороне оной. Но не следует еще из сего, чтоб не было у нас способов к содержанию таковой [армии], каковая нам необходима

* С 1763 инженерный корпус, помимо инженеров в офицерских званиях, включал минерную и пионерную роты.

надобна. Для содержания оной потребны люди и деньги. В первых мы нашли у себя недостаток, но если бы вторых довольно было, не могли ли бы мы первое вторым наградить, искав... вольных людей?

Мы имеем около 30.000.000 рублей [ежегодного] дохода. Разочтем мы, куда оные расходятся, и не сыщется ли какого-либо остатка для доставления себе людей? Бесспорно, сей способ будет больше стоить нынешнего, ибо вольный человек дороже, нежели свой. Но станет ли прихода в таковом случае на расход? Содержание внутреннее с приключением к тому двора и разных других положенных издержек простираться может до 15.000.000 рублей... Затем останется также 15.000.000 рублей, из которых идет круг 10.000.000... на армию и флот и пр[очие] военные расходы. Оставаться будет 5.000.000. Еще откладывая же из сих по два каждый год на сторону, будет оставаться 3.000.000 для того употребления, о котором теперь речь.

Деньги имея, остается подумать о способе, откуда иметь вольных людей... У нас в государстве их так мало, что и говорить о сем не о чем, но не можно ли бы было оных доставать из других земель?.. Для сего суть два способа. Первый и самый легчайший — Польша, которая снабжает уже своими людьми и другие державы, но не лучшим его нахожу по свойству людей сей земли. Они не лучшие солдаты и по характеру нации ненадежны бывают. Второй же [способ] — набор в Германии... Дом, от которого я происхожу, по природе дает равное мне право с прочими германскими князьями. Правда, что земли мне принадлежащие уступлены мною младшему колену нашей фамилии, но чрез то не потеряно достоинство князя Империи, а... еще меньше то, что я шеф... голишинского дома... Всё сие подтверждено на сейме имперском. Итак, можно бы мне, воспользовавшись именем дома голишинского, набор в вольных имперских городах делать, какой бы надобен был. Если употребить на сие все вышеупомянутые 3.000.000, то, конечно, мы менее [чем] за сию сумму иметь будем [необходимых] людей». ¹⁴

Каким образом следует поступать с контрактниками, — дополнять ими комплект в национальных войсках или формировать отдельные иностранные части — цесаревич определился не сразу. Состоявший с ним в переписке граф П.И. Панин (август 1779 г.) высказывался за второе — создать в «чужестранных провинциях» Российской империи полки из их собственного населения, «по примеру прусской службы, где во многих полках содержатся фундаменты из национальных людей, а достальные уже вербовываются». * Тем более, что некоторый опыт уже есть, — в состав русской армии входят как «национальные» гусарские полки, так «и особые — вербованные из чужестранцев». * Судя по мундирным проектам (они приведены далее), великий князь

* Панин хотел даже возобновить некое «прежнее узаконение» Петра Великого: «...кто представится в службу российскую с наверхованными за собственные деньги людьми, или с набранными из своих подданных, тех принимать теми чинами, кто какое число оных людей в службу приведет».

* В дополнение к гусарским полкам, набранным из иностранцев (Сербский, Венгерский и др.), в 1765 г. из слободских казаков были сформированы пять полевых гусарских полков: Ахтырский, Изюмский, Острогжский, Сумский, Харьковский. Чем руководствовался граф Панин, давая советы о найме на русскую службу иностранцев, не совсем понятно. В том самом 1765 г. он, вместе с другими членами Военской комиссии, подписал доклад, где содержалась весьма нелестная характеристика приведенных им в пример «старых» гусарских полков, которые, «...хотя во многих случаях и с пользою употреблены были, но как составлены из людей вербованных разных наций, то чинили непрестанные побеги, для чего на них никогда такой надежды, как на природных своих [подданных] положить было не можно, но надлежало их всегда употреблять с излишнею против своих осторожностью, следственно, и с затруднением, умалчивая о том, что они, чиня побеги, сносили с собою мундир и амуницию, уводили лошадей, и тем причиняли казне убыток, а армии ущерб, тем, что в сражении всегда самое малое число [их] бывало». РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.610. Л.2об.

согласился с мнением Панина. Фельдмаршал граф П.А. Румянцев также полагал, что «...вербование в государстве свободных и не надлежащих людей к рекрутской поставке было бы народу... не малым облегчением, а вне государства, известною частью, и весьма полезным пособием».¹⁵

Впрочем, Павел, кажется, не особенно рассчитывал на успех в этом предприятии. «Вербованные войски заведены в тех местах, где довольно вольных людей. Они не принужденно, а по воле и контракту служат. Итак, если бы поступаемо с ними так было, как бывает у нас, то, конечно бы, ни одного [человека] не осталось».¹⁶

Основным источником комплектования армии всё же служило великорусское население. Но и тут в существующий порядок вносились значительные коррективы. «Думаю, что набор рекрут с земли стараться уменьшать как возможно больше, и сделать его нечувствительным, стараясь сберечь солдатских детей, которые природные и натуральные солдаты, как по склонности своей, так и по учреждениям, и оставляя рекрут только для помощи солдатским детям, если бы где их не было или недоставало. Сим образом входило бы рекрут весьма мало, и потому на сие стало бы почти [людей], отдаваемых помещиками в зачет, которых обыкновенно они рады сжить с рук за неспособность к земледелию».¹⁷ Фактически, речь шла о постепенном создании нового военного сословия и, в перспективе, отмене рекрутской повинности.

«Набор рекрут так должен быть. Как скоро умрет рядовой, так скоро из солдатских детей, если есть, а если нет, то рекрута взять в 3-й баталион, не упуская ни суток. Первые три месяца ничему не учить, [кроме] как стоять прямо, ходить и прочим домашним попечениям. Потом зачать одевать его мало-помалу, из недели в неделю, дабы не вдруг его связать и беспокоить, а в последние пол года первые три месяца учить ружьем, а другие [три месяца] эволюциям, а всё сие без побой, как долго злости или упрямства примечено не будет... однако же я не говорю, — разъяснялось на счет последнего, — чтоб вовсе сие наказание покинуть, а только разумею о нынешнем бесчеловечном его употреблении».¹⁸

Размышляя о причинах многочисленных побегов и дезертирства, Павел снова возвращался к тому, каким образом проводятся рекрутские наборы. «1-е. Мужик, которого должно брать в рекруты, напуган прежде, нежели он думал быть взят в солдаты, рассказами, разговорами и тому подобным о трудностях, беспокойствах и пр. жизни солдатской; 2-е. Разлука с родственниками, ближними и домом; 3-е. Перемена пищи и одежды — пункт из самых главных и, часто, перемена климата и воды; 4-е. Ученье всему тому, чего он никогда и не видывал, соединенное, по несчастью и глупости, с бесчеловечными побоями, пункт самый важный; 5-е. Неизвестность времени службы и, потому, 6-е, — сумнение о спокойном окончании жизни своей... так как и о возвращении в дом и к родственникам своим; 7-е. Отчаяние, происходящее от всех сих мыслей и видеть себя без награждения за службу, труды и, часто, раны и увечья».¹⁹

Лучший способ устранить эти причины — «учредить повсюду то самое, что уже у нас заведено в Слободской и Новороссийской губерниях — полки, расположенные по ним содержатся людьми, лошадьми, провиантом и пр[очим] от самых тех губерний», но «...с тою разницею, что те губернии, кои малолюдны, или иным чем

* Еще один повод для предпочтения солдатских детей, которые «...будучи уже воспитаны на пище и в одежде солдатской, не будут чувствовать сей столь чувствительной перемены, а особливо в одежде, от которой наибольшие претерпевают рекруты, будучи сия одежда столь отменна от крестьянской. От сего рождаются по большей части все болезни, и от сего наибольшие мы оных теряем». РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.57.

недостаточны, занимали бы от соседних губерний людей и содержание, если в тех соседних губерниях остается излишество в том или другом от содержания собственной своей обороны... При расположении [таковой] защиты в губерниях наблюдать должно... первое — чтоб не была защита в тягость защищаемому, а напротив того, действительною обороною, а земля подкреплением; второе — распределять силы оборонительные по силе земли и по силе против лежащего соседа».²⁰

Выгоды представлялись очевидные. Если человек будет служить «...в том месте, откуда он родом, тогда бы он, будучи дома или поблизости, не имел бы в голове, что он никогда не увидит место рождения своего и не имел бы нужды бежать домой». Ко всему прочему такие люди должны лучше защищать границы, «...ибо... тогда бы [они] обороняли дом свой и родственников» и, «будучи употреблены против натурального и против лежащего их неприятеля... с меньшею робостью дрались, зная уже его, ибо ничто не отымает столь скоро бодрости, как всякого рода неизвестность».²¹

К концу 1770-х гг. эти идеи оформились в виде системы кантонов. Словом «кантон» Павел обозначал «некоторое пространство земли с своими жителями, приписанное по близости или хотя [бы] по способности, по общему государственному расчислению, к какой-либо из четырех армий, не назначивая такого[-то] именно округа к тому или другому полку затем, что один полк пред другим может иметь более нужды в людях, а назначивая их (округа — Авт.) для армии вообще... Главное же дело, чтобы таковой кантонист был как можно ближе к дому своему и... в не обыкновенном ему климате... От сего, думаю, зависит весьма много и сохранение людей».²²

«В мирное время, по прошествии месяцев учебных, необходимым почитаю отпустить таковых кантонистов некоторое число, и притом людей надежных и хорошего поведения, на зиму или до первого повеления, в дома, но чтоб сия часть отпускаемых людей не превосходила четвертую или третью часть, а если сего много — то пятую или шестую [часть] из полку. Сие тот авантаж имеет, что люди сохраняют связь свою в земле, а родня их и ближние не будут отчаиваться при отдаче такового в службу, как ныне бывает, почитая его почти мертвым человеком, чрез что служба не будет столь страшною для земли казаться...

Касательно до отпусков таковых, я имел к большому удовольствию своему пример весьма удачный опыта, сделанного мною над моим собственным полком (кирасирский Наследника — Авт.). Нынешнею зимою (1778–1779 гг. — Авт.) отпущено было разных нижних чинов до ста человек, из которых не только ни один не бежал, но, кроме мертвого, все возвратились».²³

Согласно одной из точек зрения в историографии, павловские кантоны были прообразом военных поселений, созданных в царствование Александра I. Между тем, речь идет всего лишь о том, чтобы каждая из четырех пограничных армий по возможности комплектовалась и содержалась ближайшими к ней губерниями.*

Как видно, состояние армии цесаревич оценивал весьма критически. Вряд ли он был далек от истины и сильно преувеличивал. Существует целый ряд свидетельств, что во многом дела обстояли не так уж благополучно.* Главной причиной неурядиц великий князь считал отсутствие ясных установлений. «При вступлении на престол ныне

* Военные поселения XIX в. являлись административно-хозяйственной системой, созданной, прежде всего, для сокращения расходов на содержание армии; попыткой перевести вооруженные силы на самообеспечение.

* Заметка француза Ж. Ромма (1780 г.), записки служивших в российской армии генералов С.М. Ржевского (1782 г.) и графа А.Ф. Ланжерона (1796 г.), рисуют картину далекую от идеальной и, при этом, что показательно, очень сходную, как между собой, так и с высказываниями Павла.

царствующей императрицы, увидели нужду переменить и поправить вещи по военной части... ибо нет вещи на свете, которую не надлежало бы чрез несколько лет в чем-нибудь переменить или исправить, дабы... согласоваться с временем и обстоятельствами... Но, как часто бывает, что искав лучшего, теряют сплошь хорошее, то при сем случае и стали порочить всё, что делано ни было, пока надобно только было бы исправить злоупотребления одни... Старое почти истребили, а нового ничего не сделали.* Итак, теперь никто уже и не знает, что и как делать. Да к тому прибавить должно, что и не мода теперь что-либо наблюдать из предписаний, а исправным быть стыд и низкость духа. От сего и идет всё по прихотям каждого, а... часто прихоть состоит в том, чтоб ничего не делать и угрождать своим необузданным страстям. Вот плачевное состояние, до которого у нас военная часть дошла».²⁴

«Теперь главное, к чему старание должно приложить — [сделать] так, чтоб всякий должность свою сам собою исправлял, не имея нужды в беспрестанных подтверждениях и, опять, с другой стороны, не придумывая ничего от себя, а стараясь исполнить лишь предписанное со всевозможною точностию. И для того должно предписать каждому свою должность таким образом, чтоб всякий знал, что ему делать должно. А предписание... должно составлено быть так, чтоб все способы отнять из своей головы что-нибудь делать, а оставить только те, которые бы служили к скорейшему и точнейшему исполнению предписанного, без малейшего злоупотребления... чтоб никто, от фельдмар[шала] до солдата, не мог извиняться неразумием, начиная... о мундирных и амуниционных вещах, конча о строе... Тогда можно будет на них взыскивать, если что-нибудь будет упущено, а не прежде, ибо надобно, чтоб каждый знал, что он должен делать...

Теперь слышно беспрестанно, что у того полк или другая какая часть лучше, а у того хуже, и что от того такой[-то] вред произошел и пр[очее], обвиняя всегда притом частного командира. А о том никто не помышляет, что... не дан способ им быть всем хорошим, а чрез то и не отнят быть дурными...

Из такового предписания всего и чрез то ограничивание каждого, будет следовать, что все будут несра[в]ненно довольнее и охотнее к службе, ибо не будут страдать и видеть себя подчиненными прихотям и неистовствам частных командиров, которые всем сим сквернят службу и вместо приохочивания к ней удаляют всех от нее.* Итак, все с охотою станут служить и с удовольствием, а не имея причин негодования и пр[очего], каждый вернее и прилежнее службу будет отправлять».²⁵

«Теперь всякий мудрит, говоря «я лучше сделал!»... а... ни лучше, ни хуже сделать нельзя, ибо то, что ныне называют «лучше», то одно пустое щегольство и

* Здесь Павел явно заблуждался. Воинская комиссия, созданная в 1762 г., по масштабам деятельности одна из наиболее значительных в XVIII в. Ей были разработаны все основополагающие нормативные документы, которые определяли состав и устройство сухопутной армии. мода «не наблюдать» предписания возникла гораздо раньше — еще во времена правления Елизаветы, а к 1770-м гг. это уже прочно вошло в систему. Изменить ситуацию было не так-то просто. Попытайся Екатерина «подтянуть гайки», очень скоро «матушке-государыне» припомнили бы и ее немецкое происхождение, и сомнительные права на обладание престолом... Лучшим подтверждением этой мысли служит судьба самого Павла, попытавшегося навести порядок в стране и армии.

* Вряд ли дело заключалось только в плохо составленных предписаниях. Для примера возьмем хотя бы униформу. Каждый полк имел образцовые вещи, экземпляр табелей и даже мундирный регламент с рисунками. Всё вместе это давало исчерпывающе ясное представление о том, какими должны быть одежда и амуниция, однако мало кто из писавших о русской армии екатерининского царствования, в тех или иных выражениях не отметил, что «...не только каждый полк, но даже и каждый в нем офицер придерживается своего правила». Кстати, форменные регламенты самого Павла хотя и намного сложнее, но ничуть не более подробны.

мучительство, а оно-то и нельзя будет завести для того, что всё будет предписано и нельзя будет завести ничего нового, ниже в самых безделках, самопроизвольно, ибо как за сие, так и если малая разница будет найдена в послаблении дисциплины, в одежде, в оборотах, или в ином чём, то предан будет командир всякий, какого б чина ни был... военному суду, для чего будут инспекторы, коих дело будет за сим смотреть во время лагерей,* а по различию чинов начальников лагерей будут и инспекторы различных чинов, дабы происходило всё порядком. Если же таковой инспектор, буде упустил или проронит, по каким бы причинам ни было, будет судим инаистрожайше по Военному артикулу, за упушение и неисполнение должности наказан».²⁶

«О нужде иметь инспекторов никто благоразумный не усумнится, дабы завести равную повсюду службу. Их дело должно быть, чтоб каждый исполнял предписанное в своей должности равномерно везде, не придумывая от себя ничего, а исполнял просто, но с точностию всё предписанное. Доносил о всём том, что увидит, как о исполненном, так и о неисполненном, и чрез то давал знать о зле рождающемся, дабы его предупредить прежде, нежели оно корень возьмет, дабы не допустить произойти от того государству и службе его какому-нибудь вреду. С другой же стороны, [уведомлял] о пользе и о услугах, принесенных кем-нибудь особливym радением к должности, точным исполнением приказов и порядком, а за сие награждать похвалою и отличием...»

*Инспектор должен быть назначен самим государем и нет нужды, чтоб с инспекторством был связан особый чин и всегда [одного и] того же человека в сию должность употреблять для того, 1-е... что достоинство не связано с чином и что государский выбор беспристрастнее выбора всякого другого; 2-е, чтоб начальники были готовы всегда и не могли наперед с инспекторами соглашаться, как бывало».*²⁷

Институт инспекторов, вне всякого сомнения, был необходим. Ситуация далеко переходила границы разумно допустимого — любой командир мог фактически бесконтрольно распоряжаться людьми, деньгами и имуществом вверенной ему части, по собственному вкусу изменять ее униформу, сочинять уставы и инструкции. Ни для кого не было секретом, что всякий полковник, умеющий «вести дела», ежегодно увеличивал свое благосостояние на несколько десятков тысяч рублей. Порядком разболтавшейся армейской вольнице явно не хватало контроля.*

* «Выступать всем полкам в... лагерь в воскресенье на Святой неделе, каждому полку в свой особливой, и стоять в оном 8 недель ровно. Потом идти в бригадный [лагерь], где каждой бригаде стоять 4 недели, а оттуда бригадам идти в дивизионные [лагеря], где пробывать 4 же недели, а оттуда в корпусные, где стоять 2 недели. А потом, на том же месте, всем полкам [стоять] еще 2 недели для инспекторского смотра, а после всего сего идти прямо каждому [полку] на свои квартиры». РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.63.

* Система инспекторского контроля, организованная Павлом в 1796 г. не была чем-то принципиально новым. При Екатерине, например, с 1764 г. обязанность проводить инспекторские смотры лежала на служащих комиссариатских комиссий (комиссии эти состояли при каждой дивизии и отдельном корпусе). Дело заключалось лишь в том, что призванные «...наблюдать за тем, как полковники содержат свои полки, и докладывать [Военной] коллегии о нарушениях, которые могут быть допущены... вместо этого они входят с полковниками в сговор и даже конкурируют с ними в том, что те именуют своей экономией. Суть подобной экономии — тащить из полка всё, что только возможно». В 1785 г. при Военной коллегии была образована Инспекторская экспедиция, однако, положение ничуть не изменилось. Взойдя на престол, Павел лишь видоизменил уже давно существующее учреждение. И дело здесь даже не в том, стало ли оно лучше или, наоборот, хуже в результате его преобразований. Самая продуманная и хорошо устроенная организация будет давать сбои при недобросовестности ее сотрудников.

Конечно, не осталась без внимания форма одежды. *«Всей армии иметь кафтаны зеленые: пехоте — темные, драгунам — светлые; исключая кирасир, гусар и пикинер, которым оставаться при своих цветах. Армиям различаться по цветам камзолов и штанов, дивизиям — по нашивкам равномерно, и полкам между собою по ним же. Вербованным [различаться] по цветам отворотов, воротников и обшлагов, которым у национальных быть красным, а у вербованных — разных цветов. Гарнизонным различаться от полевых не имея отворотов, а нося пуговицы на обе стороны, в прочем между собою следовать тому, что о полевых сказано».*²⁸ В другом деле нашлось описание кирасирских мундиров: *«...кирасирским полкам во всех армиях и их дивизиях иметь колеты палевые, на колете прибор и цвет обшлагов каждому особый».*²⁹ Нетрудно заметить, что данный регламент представляет собой смесь из российской и прусской систем форменных отличий. В обозначении армий есть нечто общее с инспекциями первых лет Александровского царствования, существовавшими до 1807 г.

Сохранился еще один, писанный рукою цесаревича, мундирный проект. Судя по воинским частям, которые в нем упоминаются, составленный до 1775 г. *«Кафтанам быть у пехоты зеленым, у драгун — светло-синим, у гусар — ментиям черным, у пикинер — кафтанам белым. Воротникам у пехоты и у драгун... быть цвету поля герба полкового, у гусар — желтым, а у пикинер — у каждого полку своего цвета. Отворотам и обшлагам у пехоты и у драгун [быть] красным, у гусар — обшлагам желтым, а у пикинер: у Елисаветградского — красным, у Днепровского — зеленым, у Донецкого — голубым, у Луганского — желтым, у Чугуевского, если согласятся, — малиновым, у Азовского — белым, у Таганрогского — черным, у Дмитриевского — синим, а у Моздокского — фиолетовым. Подкладке... камзолам и штанам у пехоты и у драгун [быть] белым. У гусар дуламанам, подкладке и чекчирам: у Сербского — голубым с серебром, у Венгерского — красным с серебром, у Ахтырского — зеленым с... золотом, у Острогжского — синим с золотом, у Харьковского — желтым с золотом, у Изюмского — красным с золотом, у Сумского — голубым с золотом, у Черного [полка] — черным с золотом, у Желтого — желтым с серебром, у Молдавского — белым с золотом, у Бахмутского — зеленым с серебром, у Грузинского — синим с серебром, у пикинер — белым... У пехоты быть шляпам без галуны, с каскетами... кистям на шляпах быть желтым с черным».*³⁰ Отыскалось еще несколько черновых бумаг к этому регламенту. Драгунам взамен шляп предлагались *«шляпки суконные с каскетами по прилагаемому образцу в тот же 2-годовой срок»*; на их изготовление шло красное и белое сукно, две медных пуговицы и перо на каждую. Канонирам драгунских полков отвороты и обшлага назначались из черного сукна.

Если верить *«Историческому описанию...»*, для всех существовавших к тому времени пикинерных и большинства гусарских полков сохранялся ранее присвоенный им колер обмундирования. Новую расцветку получали Венгерский, Молдавский и Грузинский гусарские полки (прежде, соответственно, красный с золотом, синий с золотом и желтый с золотом). Пять казачьих полков цесаревич планировал сделать пикинерными и вновь назначал им цветной прибор. Весьма неожиданно упоминание о каскетах к мушкетерским шляпам. А вот кисти желтого и черного (династических) цветов присутствуют почти во всех мундирных проектах Павла, сначала наряду с белым бантом, а после — вместо него, как символ государственной принадлежности. Униформа кирасиров, карабинеров и егерей не предусматривается (ранее уже приводились высказывания наследника об этих видах войск).

В основе обоих проектов лежит попытка совместить два по сути противоположных стремления — выделить каждую воинскую часть, сохраняя при этом единообразие

униформы в пределах каждого вида войск. Ничего нового здесь нет: регламент 1764 г. преследовал те же цели. * Менять данный принцип Павел не собирался, только индивидуальные отличия для каждого полка теперь выбирались не его командиром (многие из которых слишком далеко выходили за рамки дозволенного), а устанавливались сверху.

Менялся и порядок обеспечения армии. Пункт № 11 гласил: «...*вовсе перевести* (отменить — Авт.) *отпуски деньгами за вещи и пр[очее] в полки, ибо от сего случается сплошь, что самых нужных вещей в полках нет. Пока [же] они избылиуют в ненужных, пустых украшениях и ни к чему не служащих. От сего рождается следующее: 1. От недостатку нужных вещей беспокойство, а от него — болезни и, наконец, и самая смерть; 2. От ненужных лишь убыток; 3. От пустых украшений вычеты с солдат, что уже самое род мучительства, не говоря о побоях кои в употреблении за неисправность в излишней чистоте и пр[очее]; а 4. От вещей ни к чему не служащих — отягчение и беспокойство. Сверх того, заводится от всего сего великое неравенство в одежде, снабжении, даже и плате в полках, от того и разнообразная служба».*³¹

Позднее цесаревич еще раз возвращался к этой теме. «В одиннадцатом пункте говорил о... снабжениях и отпусках, и между прочим помянул, чтоб все оные деньгами за вещи перевести, а вместо того оные делать натурою, и показал при том причины, для чего то делать. Я не сомневаюсь, чтоб всякий знающий подробно все обстоятельства и при том беспристрастный не согласился со мною и не соболезновал вместе со мною о зле всякого рода, рождающемся от сего. Таковые обстоятельства заставили меня помышлять о причинах таковых дел, [и] я не нашел иных, как с одной стороны — дурное управление экономии и прочего, а с другой — прихоти, шалости и проч[ее]».*

Подробно расписывалась система чинопроизводства. «Производство будет следующим порядком. 1-е. Из солдат в капралы производить по-ротному, не старшинством, но по способности, по согласию всех четырех ротных офицеров. Из капралов по старшинству таким же порядком в каптенармусы. Из оных, тож по старшинству, в сержанты, а из сержантов, при таком случае, в подпоручики младшие производить, когда дворян не достанет в подпрапорщиках и прапорщиках. А в оные чины (подпрапорщичики и прапорщичики — Авт.) никогда не из дворян не производить...

В фурыеры поступать из школы Генерального штаба. И хотя будут они состоять в полковом списке и под командою у полковника, но как вступление в сей чин, так и к дальнему производству своею линиею и старшинством по Генеральному штабу идти будут, не мешаясь с полковыми производствами, ибо фурыер должен уже несколько знать квартирмейстерской науке, то есть первые основания так называемой кастраметации,* а из сего чина происходить будет по линии Генерального штаба. Вышед из школы с теориею, получит при полку практику и привыкнет к послушанию. Чрез то будем мы иметь всегда надежду иметь вперед хороших квартирмейстеров и вышних сего ремесла.

* Колер и форму эполет, цвет шерстяного галуна на мундирах полковых и ротных музыкантов, кистей на шляпах (пехота и драгуны), колетах и амуниции (у кирасир и карабинеров) выбирал полковой командир.

* В готовом виде к полкам доставляли оружие, портупей, перевязи, патронные сумы, подсумки, палатки, ружейные пирамиды, сукно и каразею. Все остальные вещи и материалы заготавливали непосредственно в полку, на отпускаемые от казны деньги. Одно это давало командирам широкие возможности злоупотреблять казенными средствами. Взамен цесаревич предлагает отправлять в армию уже готовые вещи. Именно так сделал Потемкин в 1786 г.

* Кастраметация — искусство располагать военный лагерь.

С провиантмейстерами и с муниционерами будет то же самое наблюдаемо. С первыми — по Провиантскому департаменту, а со вторыми — по Комиссариатскому.

*Во всех трех частях, а особливо в последних двух, нет нужды иметь в сих чинах дворян, а производить в офицеры по тому правилу, которое сказано о сержантах. Что ж касается до первой, то не худо было бы, если бы были фурьеры из дворян, ибо выходя в вышние чины, каковы квартирмистры... часто будет зависеть от них спокойство целой армии, да и безопасность, а конечно... благородный человек вернее должен быть, если не есть, всякого другого... В прочих же двух знание наук будучи излишно... а потребна лишь исправность, а при том честность, то выбирать по департаментам не... из дворян, но одаренных сими качествами.**

О подпрапорщиках и прапорщиках нижеследующее скажу. Первые положены были из дворян, но за недостатком оных подпрапорщики были не из дворян, отчего не весьма в пристойных руках было то, что со стороны чести должно бы служить союзом и побуждением во всяком корпусе, а именно знамена... Мне нужным кажется, чтоб таковой знак каково знамя, от часу более стараться приводить в почтение, дабы чрез оный можно было сделать что-нибудь в нужном или крайнем случае. И для того не давать его в руки [никому], как дворянам, а для того и подпрапорщиков иметь из оных. Не с тем, чтоб оные их носили, но чтоб были помощниками прапорщиков, при которых всегда находясь, могли как помогать знамя защищать, так и если бы прапорщика ранили, убили, или бы он сам занемог, то тотчас ему место его заступить. Они не полагаются ни в унтер-офицерских, ни в офицерских чинах, а принимать дворян прямо в подпрапорщики, как в благородный чин и производить их старшинством в прапорщики. Прапорщики же не должны считаться чиновными, то есть офицерами или унтер-офицерами, но только дворянами, определенными к ношению и защищению того знака, который государь дает военному строю... Оный прапорщик не должен команды иной иметь, как разве когда убьют всех прочих в баталь[оне] офицеров...

Прапорщикам иметь офицерский мундир, но без знака и шарфа, а к обороне своей иметь при шпаге место на один пистолет. Подпрапорщикам быть точно также одетым, как и прапорщикам, а когда знамя распушено, то иметь чехол с одного кушаком повязанный, пару пистолет при шпаге и, для оных, на заряды небольшой подсумок...

Подпоручик самый младший в роте офицер; оных в роте будет по два, дабы с поручиком и капитаном всего было четыре, ибо сие число в роте офицеров весьма удобно для всего...

Сержанты будут происходить прямо из капралов, ибо прочие все чины, которые между капра[лом] и сержан[том], будут наполняться каждый из того департамента, к которому принадлежит. Чрез то же способные к сержантскому делу будут скорее выходить, проходя только один чин, который при меньшем то же, что и сержант при большем числе. Оные, будучи не дворяне, входить в офицеры не будут, разве учинят поступок, за который по важности одного дворянства удостоятся.

Полковые адъютанты должны быть дворяне, на том же основании, как подпрапорщики и прапорщики, то есть состоять между унтер-офицеров и офицеров и иметь одинакий с прапорщиками мундир и прочее]. При том же должны быть приеманы и производимы в офицеры на том же основании, как и прапорщики, но всегда

* Со времен Петра I унтер-офицеры выбирались из нижних чинов. Офицеры, обязанные проходить службу с нижних чинов, конечно, проходили все унтер-офицерские должности, но проделывали это достаточно быстро и, в значительной степени, формально.

после прапорщиков... Адъютант для того должен быть из дворян, что употребляется для исполнения произведения в действо иногда самых важных дел...

Из капитанов производить в майоры, потом — в подполковники, а из подполковников — в полковники. И всё сие единственно полковым старшинством, отнюдь не переходя из конной в пешую или из пешей в конную службу, или из полку в полк, дабы каждый прилежнее и привязаннее, и чрез то искуснее в своем ремесле стал...

Из полковников же [производить] в генерал-майоры общим по всему государству старшинством и не различая конных с пехотными, ибо часто может случиться, что бригада составлена из полку пехотного и... другого конного. В генерал-поручики [производить] точно таким же образом и на том же основании. В генералы полные или -аншеф — точно так же, и, наконец, в фельдмаршалы». ³²

Планировалась и реорганизация центральных военных учреждений. «Военной части быть управляемой военным министром чина генерал-фельдмаршала. Ему быть непосредственно под государем... заседать в Государевом совете и иметь дни положенные, в которые приходить с делами к государю — докладывать, получать резолюции и повеления. Ему присутствовать в Военном департаменте, которого он шеф. Оный Военный департамент должен быть составлен из шефов тех частных департаментов, которые вместе составляют военную государства часть, а именно: генерал-фельдцейхмейстер, генерал-кригс-комиссар, генерал-провиантмейстер, генерал-казначей, генерал-контролер.* Оным иметь чины по нынешнему положению,* генералу-казначее же генералу-контролеру не менее чина генерал-майора.

Все сии персоны должны иметь каждая свой особый департамент, но составленный единственно из нужных только людей для скорого производства и исполнения дел, ибо Военный департамент и оного частные департаменты не суть судебные трибуналы, но места для единственного отправления дел, следующих до исполнения по военной части...

Военный министр и Военный департамент: 1-е. Сами собою ничего не делают иного, как исполняют государевы повеления всякого рода, смотрят за исполнением оных как вообще, так и по частям; 2-е. Наблюдают и заставляют наблюдать со всякою точностию все прежние предписания подтвержденные государем. И во обеих казусах строго взыскивают и наказывают умышленно не исполняющих или оплошно исполняющих; 3-е. Сами собою ничего вновь не предписывают, а если что подлежит исправить... вновь учредить или отменить, то представляют о том государю; 4-е. Производства, отставки, определения, суда и наказания, зачиная от фельдмаршала, конча прапорщиком, никому не доложат государю не делать. И во всех сих случаях докладывать... не теряя времени, по мере как будут... сии казусы доходить до Военного департамента. А Военному департаменту представлять всё сие государю с надлежащими объяснениями, справками и документами». ³³

Нечто похожее было сделано в 1791 г. «Для удобнейшего отправления дел вообще по службе военной, и в отвращение излишних переписок и всяких медленностей и затруднений... Комиссариатский, Провиантский и Артиллерийский департаменты, також должности Инспекторская и Генерал-контролера», вошли в состав Военной

* Артиллерия, инженерный корпус, комиссариатский и провиантский департаменты, конечно, подчинялись Военной коллегии, но фактически были отдельными, во многом самостоятельными учреждениями.

* Звание генерал-фельдцейхмейстера приравнивалось к чину генерал-аншефа, генерал-кригс-комиссара — к чину генерал-поручика армии, генерал-провиантмейстера — к чину генерал-майора.

коллегии. Начальники этих департаментов, *«имея каждый особенное наблюдение за частью ему вверенной, должны присутствовать в помянутой коллегии»*.

В завершение необходимо отметить, что не следует удивляться встреченным разночтениям, их в тексте не мало. Как уже говорилось, в его основе лежит россыпь черновых бумаг, написанных явно в разное время. А с годами, как известно, взгляды на один и тот же предмет могут существенно меняться.

И еще один немаловажный момент. Думается, эти проекты следует рассматривать шире, чем сочинительство цесаревича. Они — образец русской военной мысли 2-й половины 1770-х гг., попытка осмысления опыта, полученного в кампаниях против турок и поляков. Конечно, Павел не имел личной боевой практики, но он внимательно следил за состоянием армии (не имея, правда, возможности что-либо сделать), достаточно много знал и, живо интересуясь военным делом, был в курсе «последних веяний». В частности, хорошо известна симпатия великого князя к фельдмаршалу Румянцеву. Не случайно их мысли так во многом похожи.³⁴

Позднее Павел Петрович во многом пересмотрел свои взгляды на устройство армии. Тетрадь, озаглавленная *«Разные распоряжения по военной части»* (без малого 70 листов переписанного набело и почти не правленного текста), наглядно показывает, как всего за несколько лет изменились представления великого князя. К сожалению, и этот документ не датирован. Содержание проекта позволяет определить время его создания концом 1780-х или даже началом 1790-х гг.

Цитированный выше раздел о Главном Военном департаменте повторяется почти дословно. Гвардию заменял особый *«корпус находящийся при Государе»*: шесть эскадрона кирасир (три — из дворян), три эскадрона гусар, четыре батальона пехоты, трехротный гренадерский батальон и три бомбардирских роты. *«Все части составляющие вышесказанный корпус должны наблюдать обряд службы одинакий с прочими кавалерийскими и пехотными полками... исключительно только преимуществ, которые принадлежат дворянским эскадронам, которых роты каждая особенно имеет своего шефа. Оные имеют сверх управления ротами особую должность, состоящую в дежурстве оных по очереди при государе»*.

Армия по-прежнему разделялась на пять частей. Кавалерию составляли шесть кирасирских (946 человек в каждом) и 32 драгунских полка (950 человек), те и другие силой в пять эскадронов, а также 14 десятиэскадронных полков гусар (1.858 человек).

Пехота включала 80 полевых полков двухбатальонного состава (половина с гренадерами), один полк в четыре батальона и 16 пятиротных батальонов егерей (910 человек в каждом). Кроме того, проект предусматривал создание отдельных шестиротных гренадерских батальонов (всякий в 1.114 человек), число их не указано.*

Гарнизонные войска насчитывали 32 пехотных полка, из них 12 — с гренадерами. *«Гарнизонный полк имеет всё по штату полевого полка»*, с той только разницей, что *«извозчиков, обозу и подъемных лошадей совсем не полагается»*.

Общие рассуждения об устройстве артиллерии дополнил расчет ее численности, сделанный исходя из количества полевых полков: на каждую бригаду полагается три 12-фунтовых пушки, один 20-фунтовый единорог и восемь 6-фунтовых батальонных пушек; одно орудие обслуживают 20 канониров. Таким образом, на бригаду

* В начале 1797 г. мушкетерские и гренадерские полки были приведены в двухбатальонный состав, а из их гренадерских рот сформированы сводные гренадерские батальоны. Лейб-гренадерский полк стал четырехбатальонным.

приходится две канонирских роты. В каждой роте два батарейных и четыре батальонных орудия и, «сверх оных, трехфунтовое орудие конное, для услуги которого определяется 10 канонер». Кроме того, при каждом артиллерийском полку находится две роты бомбардиров, в каждой по 13 осадных орудий: четыре 24-фунтовых и столько же 18-фунтовых пушек, четыре мортиры и один 24- или 18-фунтовый (через роту) единокорог. Итак, артиллерия должна состоять из 11 полков, в каждом два пятиротных батальона канониров и две бомбардирских роты. Исключением был артиллерийский полк в Сибири, где числилась только одна бомбардирская рота. Гарнизонную артиллерию представляли семь пятиротных батальонов.

Инженерный корпус включал 75 генералов и офицеров, 100 кондукторов в унтер-офицерских чинах, 30 «крепостных и инженерных» писарей, 12 человек при канцелярии Инженерной экспедиции и семь мастеровых батальонов, в каждом — рота минонеров, рота понтонеров, две роты сапер и две роты неких «тонеров» (?). Чины артиллерийского и инженерного корпусов сравнивались с полевыми.*

Всем вышеназванным полкам (кавалерия, пехота, гарнизон, артиллерия) определялись свои кантоны и шефы. *«Полки должны быть расписаны по генералам, которые в оных имеют быть шефами. Каждому полку быть в ведении Главного Военного департамента особенно, и посылать рапорты в оный прямо. Каждый полк имевши шефа, который состоит в точной команде Военного департамента и имея прямое сношение с оным, не имеет себе другого командира. И по сему положению бригады и дивизии сами по себе рушатся, в следствие чего генералитет уже не может иметь больше нужды в определенных им штатов, и потому всем чинам находившимся в оных, быть расписанным по полкам. Сумма генералам на расходы канцелярские оставляется».** На восемь любых полков полагался один шеф в чине фельдмаршала или генерал-аншефа, два шефа в звании генерал-поручика, пять — генерал-майора.

В мирное время полки не имели обоза вовсе. Это положение разъяснял специальный абзац. *«О погонщиках и подъемных лошадях. Одежду погонщиков иметь в депо. Оные при полках быть не имеют, а остаются в кантонах своих полков. Лошади имеют быть расписаны на число душ подлежащих рекрутскому набору, означивая, где каждый кантон имеет своих лошадей. За оных имеет быть заплачено за каждую по 18 руб[блей], после чего за оных отвечают помещики. В случае надобности в оных, помещики обязаны по полученному указу их выслать с погонщиками в 24 часа к назначенному месту, с хомутом и с принадлежностями, которые также выдадутся при заплаче за лошадей. Как скоро лошади при полках, помещики за оных больше не отвечают. По окончании службы помещику возвращается лошадь на таковом же основании, а если она умрет, то заплатить 18 руб[блей]. Так как помещик имеет погонщиков и лошадей на своем содержании, то и имеет право оных употреблять в хлебопашестве, а не в иной какой работе. Примечание: когда лошади находятся при командах, тогда оным производится фураж по штатному положению и, ежегодно, на ремонт на каждую лошадь [отпускается] по 2 руб[ля] по 25 ко[пеек], полагая оную в 18 руб[блей] и на 8 лет».*

* С 1722 г. чины в артиллерийском и инженерном корпусах были на ранг выше армейских (то есть, к примеру, чин капитана артиллерии равнялся званию армейского майора). При вступлении на престол Павел уравнивал артиллеристов и инженеров с армейцами.

* В течение всего XVIII столетия при каждом состоявшем на действительной службе бригадире и генерале находилась военно-походная канцелярия, через которую проходила вся его служебная переписка: приказания вышестоящего начальства, рапорты от подчиненных воинских частей и проч.

Приложенные таблицы кирасирского, драгунского и гусарского полков показывают униформу, которая появилась в 1797 г.: колеты и кирасы для первых, светло-зеленые пехотного образца кафтаны для вторых, традиционное венгерского типа платье для третьих. Несколько выбивается из привычной «павловской» схемы артиллерия — ей назначены зеленые кафтаны с черными отворотами, обшлагами и подбоем, желтого цвета камзолы и штаны. Сведений о пехотном мундире в проекте нет.

Не ограничиваясь общими рассуждениями, великий князь сочинял штаты и таблицы, где до копейки высчитывались суммы на жалованье, провиант, фураж, мундирные, амуничные и прочие вещи. Среди кабинетских бумаг находятся также составленные в 1774–1775 гг. по приказанию вице-президента Военной коллегии князя Г.А. Потемкина «исчисления» стоимости всех предметов из действующих вещевых таблицей армейских полков (включая произошедшие в них с 1762 г. прибавления и убавки). Доставлял их наследнику некий Григорий Плуталов, передавая через генерал-аншефа Н.И. Салтыкова (знал ли об этом Потемкин, большой вопрос).

Ознакомившись с этими документами, Павел решил сделать нечто подобное. 21 февраля 1775 г. Плуталов отправил цесаревичу исчисление *«о мушкетерском полку, совокупно и по соизволению Вашего Высочества о полагаемых убавочных вещах»*, — расчет стоимости предполагаемых изменений в штатах, униформе и амуниции мушкетерского полка, составленный по указаниям самого Павла. В общем и целом, сохраняя основные положения таблицы 1762 г. предлагалось следующее:

- убрать с мушкетерских шляп нитяной галун с городками и одну большую пуговицу, а черной тесьмы-обдержки оставить только на петлю к банту;
- заменить красный каразейный подбой кафтанов белым и уменьшить количество прикладного красного сукна с семи до четырех вершков (столько полагалось на воротники и обшлага в драгунских полках);
- строить камзолы, штаны и епанчи из белого сукна (камзолы при этом велено делать без рукавов и задних полок);
- отменить: погоны и пуговицы к ним, красные стамедные галстуки, медные галстучные замки, холстинные штаны, шерстяные и холстинные чулки, башмаки, штиблеты, фитильные трубки у гренадеров;
- ежегодно отпускать две пары сапог, две пары нитяных чулок, шерстяные носки и холст на три рубахи;
- на три года выдавать такие же как в кавалерии кожаные темляки с гарусной кистью;
- васильковые камзолы извозчиков и профосов, также как у строевых чинов, лишались рукавов и задних полок.

Предложения великого князя остались без внимания. Роль реформатора судьба отвела вошедшему в фавор у императрицы Потемкину. По-видимому, именно это соперничество стало причиной той глубочайшей антипатии, которую Павел испытывал по отношению к светлейшему князю и всему, что им было сделано. При этом многие их мысли, и даже слова («щегольство», «мучительство»), созвучны. Некоторые же планы наследника радикальны не меньше потемкинских. Чего стоит одно предложение упразднить кирасиров и карабинер!

Сохранилась еще одна табель пехотного полка, созданная при участии цесаревича. К сожалению, она не датирована, однако, весьма похожа на регламент для

Гатчинских батальонов 1796 г. и, очень может быть, относится к упомянутой нами записке 1780-х — начала 1790-х гг.

Нижние чины двух гренадерских рот, а также 12 мастеровых получали гренадерские шапки. На каждую выходило шесть вершков сукна «*двух полковых цветов*», рыби усы для каркаса, кожа «*на подкладку под сукно*», холст на тулью, кисть. Латунная бляха с выбитым гербом, «*с задником и с тремя полосками*» пришивалась медной проволокой.

Головным убором мушкетер была шляпа. К оной прилагались белая гарусная тесьма для обшивки полей, бант из белой нитяной тесьмы, плоская литая пуговица, кисть «*двух полковых цветов*», черный нитяной шнур «*на обдержку*» и черно-желтый кордон с двумя того же цвета кистями. Унтер-офицеры обкладывали поля золотым галуном.

Зеленого и красного сукна, красной каразеи и холста на постройку кафтана считалось столько же, как по табели 1762 г. Камзол и штаны надлежало делать из белого сукна. Пуговицы — медные, литые и плоские, все одного размера (восемь копеек дюжина); 29 штук на кафтан, 14 на камзол, пять на пояс к штанам. На шитье, нитки и гарус выдавались деньги. Украшали кафтан десять нитяных петлиц «*полкового цвета*». Барабанщикам и флейтщикам, кроме того, назначалось по 20 аршин шерстяной тесьмы для выкладки поперек рукавов кафтана, полковому барабанщику, капельмейстеру и музыкантам — по 50 аршин на все кафтанные швы. Расположение золотого галуна на унтер-офицерских мундирах также оставалось прежним (как при Екатерине). Еще одним отличием унтер-офицеров были замшевые перчатки.

Ежегодная выдача предусматривала фламское полотно на летние штаны, холст на три рубахи, два красных камлотовых галстука с белой обшивкой и тесемочными завязками, три пары башмаков, две пары подметок к ним, по две пары шерстяных и нитяных чулок, два шерстяных темляка, две черных шерстяных ленты в косу. Штиблеты из черного сукна (одна пара в год) застегивались на 24 плоских медных пуговицы (5½ копеек портище); под коленом ногу стягивала подвязка с медною пряжкой.

Васильковая епанча с красным каразейным подбоем и обтяжной пуговицей имела четырехлетний срок службы. В зимнее время под мундир разрешалось одевать овчинную фуфайку с рукавами.

Нестроевым чинам (надзиратель для больных, батальонный писарь, церковник, слесарь, ложник, цирюльник и профос) назначались: шляпа без тесьмы (у надзирателя и писаря с золотым галуном), черный галстук с белой обшивкой, сапоги, шпага и портупея. Профосу оружия и ленты в косу не предусматривалось. Других вещей табель не упоминает; место для их описания осталось незаполненным.

Всем строевым и нестроевым чинам полагались шпага с тесачным клинком и медным эфесом, строченая яловичная портупея с медной пряжкой, кожаный четырехугольный ранец, парусиновый снабзак и жестяная фляга.

Рядовым и мастеровым выдавались ружья с медным прибором. К ружью прилагался красный юфтевый ремень с парой медных пряжек, юфтевый чехол на огниво и полунагалище из черной яловичной кожи с тремя штиблетными пуговицами. Патронная сума на 40 зарядов строилась из красной юфтевой кожи, смазывалась и ложились. Крышку украшала медная бляха с выбитым гербом, а у гренадеров еще и четыре гранатки. Перевязь сумы яловичная «*на лосиное дело*», простроченная по краям.

Унтер-офицеры (кроме подпрапорщиков) и капралы вооружались алебардами. Фурьерам, кроме того, давали пару пистолетов и патронный подсумок. Фурьерский значок из белой шелковой материи по краям обшивался полуншелковыми лентами, а в

середине имел выполненное красками, золотом или серебром обозначение полка и номера роты. Полковой оркестр включал фагот, два гобоя, две валторны, трубу и четыре флейты.

Став императором, Павел смог проверить свои теории на практике. Давать его проектам какие-то оценки, а тем более делать масштабные выводы, не хочется. Задача этого очерка скромнее — показать эволюцию представлений и взглядов наследника об устройстве вооруженных сил. Они объясняют многие перемены, случившиеся в армии после 1796 г. Пожалуй, и этого будет не так уж мало.

Автор благодарит кандидата исторических наук Б.Б. Давыдова за консультации по истории военных поселений.

¹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.14^г.

² РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.55.

³ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.59.

⁴ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.59-59об.

⁵ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.58 об., 63-63об.

⁶ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.50-50об.

⁷ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.58.

⁸ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.49об.

⁹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.5.

¹⁰ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.45-47об.

¹¹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.47.

¹² РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.42-42об.

¹³ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.58.

¹⁴ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.66-67.

¹⁵ Фельдмаршал Румянцев. Документы, письма, воспоминания. Сост. А.П.Капитонов. М.2001. С.50.

¹⁶ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.64.

¹⁷ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.65об.

¹⁸ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.56-56об., 57об.

¹⁹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.65.

²⁰ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.44об.

²¹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.44, 57.

²² РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.14^б-14^боб.

²³ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.8.

²⁴ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.57об.-58, 59об.

²⁵ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.47, 45 об, 46.

²⁶ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.50об.-51.

²⁷ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.53об.

²⁸ РГВИА. Ф.12. Оп.8. Д.46. Л.28.

²⁹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.68.

³⁰ РГВИА. Ф.12. Оп.8. Д.46. Л.27.

³¹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.47-47об.

³² РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.16638. Л.51-53об.

³³ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.202. Л.44-44об.

³⁴ Неоднократно публиковалась «Мысль» фельдмаршала Румянцева, написанная им в 1777 г..